

**РАННЯЯ РЕДАКЦИЯ МЕМУАРОВ А. Т. БОЛОТОВА
(ИЗ СОБРАНИЯ ОТДЕЛА ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ)**

А. А. Абрамова¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Поступила в редакцию 15.10.2019 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-10

История создания мемуаров Андрея Тимофеевича Болотова до сих пор остается недостаточно изученной. В частности, не совсем ясны этапы его работы над этим текстом. Данная статья представляет собой попытку пролить свет на один из аспектов этой проблемы. В личном фонде Болотова (№ 349) в Отделе письменных источников Государственного исторического музея хранится рукопись болотовских мемуаров, озаглавленная как «Часть 2». По ряду существенных характеристик (бумага, оформление, объем, состав, заглавие, деление на разделы и т. д.) она существенно отличается от большинства рукописных частей болотовских мемуаров. В статье представлен текстологический анализ этой рукописи и ее сопоставление с текстом мемуаров по изданию М. И. Семевского – наиболее полному печатному изданию «Жизни и приключений Андрея Болотова...» Рассмотрены этапы работы Болотова над текстом рукописи, проведен сравнительный анализ лексических единиц, стилистических предпочтений и содержательной части рукописи. Полученные результаты позволяют говорить о том, что недатированная рукопись является самым ранним вариантом мемуаров, предположительно написанным в конце 1770-х годов.

Ключевые слова: А. Т. Болотов, мемуары, текстология, рукописи XVIII века.

Мемуары русского писателя Андрея Тимофеевича Болотова (1738 – 1833) под названием «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков» хорошо известны не только специалистам, но и широкому кругу читателей. Однако их текстология пока еще недостаточно изучена, а в истории создания до сих пор есть досадные лакуны, хотя в нашем распоряжении достаточно материала для исследования этих вопросов.

Рукописи Болотова в целом хорошо сохранились, и его личные фонды находятся в нескольких архивах страны, в том числе в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ, номер листа указан в круглых скобках), фонд 349. В фонде 23 единицы хранения, из которых 12 – это рукописи мемуаров. В описи они расположены по порядку нумерации частей, данной самим Болотовым. Но даже при поверхностном взгляде очевидно, что часть под номером два заметно выделяется на фоне остальных цветом и качеством бумаги (более низким) и явно относится к другому периоду времени, отличаясь также несколько иными принципами изложения со-

бътий и не входя в отложившуюся в этом фонде «серию», так как ее начало и конец не совпадают с соответствующими границами предыдущей и последующей частей.

Рукопись на рыхлой белой бумаге (остальные рукописи мемуаров в фонде ГИМ, как и большинство из находящихся в других архивах, написаны на синеватой и более гладкой бумаге) содержит 264 листа, переплетена в картон, имеет кожаный корешок с тиснением «История жизни А. Б. 1752—58. Часть II», закладку-ляссе. Заглавие на титульном листе «Приключения Андрея Болотова с 1752 по 1758 год, описанные самим им» отличается от принятого во всех остальных частях воспоминаний «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные сами им для своих потомков». Отсутствуют также характерные для мемуарных рукописей Болотова колонтитулы, указывается только год описываемого события в углу листа. Если судить по оформлению, то это явно беловой экземпляр, но в самом тексте имеются не только поправки, но и многочисленные исправления. Часть из них явно внесена позднее, и потому можно предположить, что в момент создания эта рукопись была, по выражению Болотова, «прямо набело писаным сочинением», но позднее использовалась как черновой материал для создания более позднего варианта мемуаров.

Дата создания рукописи не указана, текст охватывает события с 1752 по 1757 год, хотя в заглавии указан 1758 год. Примерно половина ее представляет собой сплошное повествование без каких-либо разделов, но со 182-го листа появляется характерное для всех остальных мемуаров Болотова деление на письма к условному «любезному приятелю». Вероятно, мысль о таком способе структурирования текста пришла Болотову в процессе его создания, когда он уже дошел до середины рукописи.

Исследователи творчества Болотова А. Ю. Веселова и М. П. Милютин предполагают, что эта рукопись — сохранившаяся вторая часть от начатой Болотовым ранней версии мемуаров, первая часть которой сгорела в 1782 году при пожаре в Богородицке, где Болотов служил управляющим императорской волости (Веселова, Милютин, 2020). Это предположение подтверждается воспоминаниями Болотова: «Дело сие начато было у меня уже очень давно, но все прерывалось и я окончить давно собирался. У меня написано было уже два тома, и я довел историю свою уже до пребывания моего в Кёнигсберге, но как первая часть оной во время пожара у меня сгорела, а вторая часть была уже переплетена, то вздумалось мне написать опять вновь и первую, а буде можно — то и всю жизнь, и поспешить тем, покуда все происшествия, а особливо бывшия в малолетстве, были еще довольно мне памятли…» (Болотов, 1871—1873, т. 4, стб. 506).

Изучение самой рукописи и ее сопоставление с более поздней редакцией мемуаров, ранее не проводившиеся, помогут существенно дополнить творческую историю создания болотовских мемуаров.

В рукописи можно выделить несколько видов правки, в том числе внесенной в разное время и отражающей этапы работы с текстом. Очевидно, что исправления (зачеркивание и вписывание другого слова) прямо в строке относятся к первому этапу непосредственного создания мемуаров. Например: «Неприятель уже наступает и конечно уже не в

дальнем расстоянии, не мог ~~иного ожидать~~ *иного заключить*, как что чрез минуту поведут его становить в ордер баталии...» (Л. 188; здесь и далее курсив в цитатах наш. — А. А.); «...А вот для чего: со мною сделалось одно смешное ~~приключение~~ *и неожиданное приключение*» (Л. 191). Эта правка отражает ход мысли автора и свидетельствует о его стремлении к ясности и даже некоторой изящности формулировок.

Следующий этап работы над рукописью отразился в надстрочных вставках и исправлениях. Невозможно судить, когда именно была произведена эта правка, но очевидно, что при одном из повторных прочтений. Например, Болотов вносит уточняющие коррективы в написанный текст, добавляя слова и надписывая их сверху: «Одним словом, весь полк меня полюбил и не только офицеры и унтер-офицеры, но и самые старые солдаты, помня ^{милости} отца моего, оказывали ко мне благосклонность и любовь...» (Л. 27); «...мы думали было сперва, что они всех их дротиками своими переколлот, но скоро увидели ^{тому} противное» (Л. 218). Делает Болотов и стилистические исправления, в том числе стремясь избежать повторов, например: «Все наше военное ополчение как оживотворилось и в один миг были уже все полки пред своими ~~лагерями~~ ^{станами} и стояли во фрунте, ожидая повеления куда идтить и что делать. <...> Всякий, не инако ~~заключая~~ ^{помышляя}, что неприятель уже наступает и конечно уже не в дальнем расстоянии, не мог иного заключить, как что чрез минуту поведут ~~нае~~ ^{его} становить в ордер баталии» (Л. 188).

Наконец есть еще один уровень правки, который можно обозначить как содержательный. Это позднейшие добавления, расположенные на полях в форме сносок. Так, к словам «Она была на мызе» на левом поле дана сноска «Кальтебрун», обозначенная крестиком (Л. 104 об.). Эти пометы скорее всего были внесены после проверки некоторых сведений (например, названий мест) по дополнительным источникам, поэтому есть основания считать их более поздними, чем основной текст рукописи.

Таким образом, можно сделать вывод, что Болотов перечитывал свои сочинения не только сразу после написания, но и спустя какое-то время, редактируя уже написанный текст и, возможно, готовя его к переделке в новый вариант.

Начало работы над этим вариантом, ставшим основным, Болотов точно зафиксировал в своих воспоминаниях: 24 января 1789 года (Болотов, 1871—1873, т. 4, стб. 506—507). В конце 1780-х — начале 1790-х годов были написаны пять частей, охватывающие период до 1757 года (например, события, описывающие три года жизни Болотова, в рукописи ГИМ объемом в 264 листа занимают всего 10 листов, а в итоговом варианте составляют пять писем). Впоследствии с этих частей рукой самого Болотова были сняты точные копии, которые хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 89. Ед. хр. 1—5). Именно по этим рукописям была осуществлена самая полная на данный момент публикация мемуаров Болотова под редакцией М. И. Семевского.

Сравнение варианта из ГИМ с основной редакцией мемуаров, никогда ранее не проводившееся, представляет безусловный интерес. В рам-

как данной работы мы проведем сопоставление рассматриваемых материалов из ГИМ с изданием Семевского, которое было довольно тщательно подготовлено.

При сравнении итогового текста мемуаров с рукописью из ГИМ можно сделать вывод, что, создавая новый вариант, Болотов опирался на имевшуюся у него рукопись, но вносил изменения разных видов. Самый простой вид правки — это замена слов. Например, интересна судьба слова «равно», которое последовательно используется в рукописи, но в итоговом варианте везде заменено на слово «власно». Некоторые стилистически окрашенные слова, которые показывают личное отношение автора к изображаемым событиям, он заменяет нейтральной лексикой, например «комора» (Л. 101) и «горница» (Л. 116) превращаются в тексте мемуаров в «комнату». Разговорное наречие «недалече» (Л. 187) становится книжным «недалеко», глагол «обманулись» (Л. 239) меняется на «ошиблись», имеющий иную окраску. Слуга, которого Болотов в тексте рукописи лаково называет «Якушка» (Л. 93 об.), теряет уменьшительно-ласкательный суффикс, оставаясь в основном варианте «Яковом».

Но наблюдается и обратный процесс: нейтральные слова, не выражающие авторского отношения, Болотов заменяет на стилистически окрашенные, чтобы усилить читательское восприятие. Так, нейтральное «жилище» (Л. 100 об.) в итоговом варианте становится «обиталищем», «деревни» (Л. 102) — «деревнишками», книжное прилагательное в словосочетании «добродетельный старичок» (Л. 109) превращается в просторечное «добродушный старичок», а смена квартиры становится вместо «не неприятной» (Л. 104) «не противной». Усиливает значение прилагательных и замена их на превосходную форму: «превеликое» (Л. 139) — «превеличайшее».

В ряде случаев Болотов переработал отдельные словосочетания и предложения, чтобы внести ясность в свой рассказ. Так, фраза «Таким образом, определен я был в их компанию» (Л. 58 об.) в итоговом варианте предстает развернутым описанием: «Но как бы то ни было, но я вышеупомянутым образом включен был в сообщество оных обойденных и чинов себе толь долго добивающихся сержантов» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 319). Такой же процесс можно наблюдать и с другой фразой: «Мужик имел между тем время нажаловаться на нас генералу и обвинял нас тем, якобы мы у него лошадь украли» (Л. 35), которая превращается в «Мужик имел между тем время нажаловаться на нас генералу и обвинял нас тем, *чего у нас и на уме никогда не бывало, а именно, что лошадь сию не кто иной, как мы сами у него украли*» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 294).

Рассказывая о реакции генерала М. Г. Ливена на обвинение русских офицеров в краже лошади, Болотов заменяет оборот «в публице» (Л. 36) развернутым словосочетанием, добавляя также определение «*российский генерал*», что подчеркивает его осуждение действий барона: «А ревность и усердие его к эстляндскому народу простиралась так далеко, что он в запальчивости своей выговорил ~~в публице~~ *при всех бывших при том многих чиновников* такие слова, которые всего меньше пристойны были *российскому генералу*» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 295).

Стремясь заставить читателя сопереживать рассказчику, Болотов, описывая свое состояние, распространяет словосочетание «и не помнил что говорил и что делал» (Л. 39) до развернутого рассказа о своих чувствах: «Я стоял, опустя руки и глаза книзу, погруженным в глубочайшее уныние, как окаменелый. Сие продлилось несколько времени, да и потом не помнил, что говорил и что делал. Самый свет казался мне померкшим в глазах моих, и состояние, в каком я тогда находился, не может никак описано быть, а довольно оно было наижалостнейшее в свете» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 298).

Повторно приступив к составлению воспоминаний, Болотов уже очевидно подразумевал некий предполагаемый круг читателей, ориентируясь на который, заменял некоторые специфические термины (особенно военные), например «рекогностирование» (Л. 241), на понятные непросвещенному в военных делах человеку, в данном случае на «подсматривание».

Стремлением воздействовать на чувства читателя объясняется и частое внесение в итоговый вариант мемуаров прямой речи. Например, в эпизоде с прошением об отсрочке отъезда в армию Болотов рассказывает о разорвавшемся пакете и после слов: «Горе и робость напала на меня превеличайшая, и я предвозвещал себе от того напасть неведомо какую» (Л. 50 об.) делает добавление: «*“Ах, какая беда! — твердил я только себе несколько раз, — что мне теперь делать?” — и ужас мой был так велик, что сердце от трепетания хотело власно как выскочить*» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 311).

Помимо эмоциональных добавлений Болотов при дальнейшей работе с текстом снабжает свои мемуары и фактическими дополнениями. Так, рассказывая о понесенных потерях с обеих сторон во время сражения, а также о людях, «которые будучи вовсе не ранеными, а старались себя включить в число раненых, думая получить чрез то себе какие-нибудь выгоды» (Л. 236), Болотов в основном варианте мемуаров приводит конкретный пример, вспоминая подпоручика Аристова. Этот офицер, сказавшись больным, не участвовал в сражении, но «очутился в числе раненных» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 545). Кроме того, Болотов стремится подчеркнуть временную дистанцию между событиями и их описанием, указывая, что некоторые обстоятельства стали ему известны позже, как в еще одном эпизоде с генералом Ливеном: «Но [будто (Л. 234)] господином Ливеном, от которого советов все наиболее зависело, [сказано было (Л. 234)] и которому, как мы после уже узнали, весьма неприятно было и то, что нам нечаянно удалось победить неприятеля, сказано будто при сем случае было... “что на один день два праздника не бывает, но довольно и того, что мы и победили”» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 542).

Самой же очевидной трансформацией мемуаров на пути от рукописи из ГИМ к итоговому варианту становится переработка сплошного рассказа о памятных событиях в письма с обращением к «любезному приятелю». Каждое такое письмо начинается либо с напоминания о содержании предыдущего письма, либо с краткого описания последующих событий. В качестве примера можно рассмотреть изменения, произошедшие с эпизодом, в основном варианте оказавшемся на границе 26-го и 27-го письма.

В рукописи ГИМ он выглядит так: «К несчастью моему, где ни возьмись тогда чухна-мужик, продающий тут же в корчме лошадь. Нас тотчас о том уведомили, и мы, осмотрев, положили ее купить, договорились о цене. Лошадь сия была посредственная. Мы заплатили за нее 12 рублей и нимало не зная, что она была краденая, отправились немедленно в путь свой» (Л. 34). В итоговом варианте Болотов вносит в данный отрывок, которым он завершает 26-е письмо, дополнения, сохраняющие интригу и побуждающие читателя прочитать следующее письмо: «К *вящему* несчастью моему, где ни возьмись тогда чухна-мужик, продающий тут же в корчме лошадь. Нас тотчас о том уведомили, и мы, осмотрев, положили ее купить. *Корчмарь помог нам того ж часа договориться о цене и ручался в том, что она была не краденая.* Лошадь сия была посредственная. Мы заплатили за нее 12 рублей и нимало не зная, что *проклятая скотина сия навлечет на нас колты и хлопоты,* отправились немедленно в путь свой и *приехали в Ревель. Сим кончу я сие письмо и сказав вам, что я есмь навсегда ваш верный друг, остаюсь... и проч.*» (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 292).

В тех же случаях, когда деление на письма есть уже в раннем варианте, Болотов иногда при дальнейшей переработке изменяет границы писем, как произошло, например, с письмами 49—50. Фрагмент, завершающий в рукописи 49-е письмо, почти полностью переходит в основном варианте в начало 50-го, а в конец 49-го Болотов добавляет резюмирующую фразу этикетного характера.

Рукопись из фондов ГИМ	Основная редакция мемуаров
<p>Но ввечеру разрешилось наше сомнение и неожиданный приказ, отданный во всей армии, привел нас в новое удивление, а именно: всем нам приказано было наутрие готовиться к походу, и объявлено, что вся армия с светом вдруг выступит тихим образом в поход. [Мы не знали, чтобы это значило и думали все, что, конечно, хотим мы обмануть неприятеля (Л. 244 об.—245)] переправиться чрез реку где-нибудь в другом и нам еще неизвестном месте. [Однако мы делали без хозяина и не то произошло, что мы думали (Л. 245)] 26 числа августа...</p>	<p>На сем месте дозвольте мне, любезный приятель, пресечь мое письмо. Мне хочется оставить вас в нетерпеливости узнать, что последует далее. Сие услышите вы в последующем письме, а между тем остаюсь ваш верный и покорный слуга (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 567).</p> <p style="text-align: center;">Письмо 50</p> <p>Любезный приятель! <i>Последнее письмо мое кончил я тем, что отдан был во всю армию с вечера приказ, что наутрие вся армия выступит в поход и учинит сие тихим и тайным образом. Поелику такового приказания нам до того времени никогда еще отдавано не было, то и удивило оно нас до чрезвычайности. Однако мы думали, что предводители наши, конечно, хотят употребить какую-нибудь стратагему или военный обман, и хотят выступить для того скрытно в поход, чтоб либо нечаянно овладеть городом Велавою, либо переправиться чрез реку где-нибудь в другом и нам еще неизвестном месте. В сей неизвестности, и горя нетерпеливым желанием узнать, вправо ли мы пойдем или влево, и не будем ли наутрие иметь с неприятелем дела, препроводили мы всю ночь, а в последующий день, то есть 26 числа августа»</i> (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 567—568)</p>

В основном итоговый вариант выглядит расширенным, местами значительно, что подтверждается и соотношением объемов. Так, одно предложение в рукописи ГИМ превращается в итоге в развернутое описание дневного перехода армии.

Рукопись из фондов ГИМ	Основная редакция мемуаров
<p>Целую половину дня тащились мы четыре версты, проходя все узкие места между лесами и кустарниками (Л. 239)</p>	<p>Целую половину дня тащились мы четыре версты, проходя все узкие места между лесами и кустарниками. <i>Переход сей, каков ни мал был, но отяготил нас до бесконечности. День случился самый жаркий и духота такая, что мы не знали куда деваться. Пуще всего досаждало нам то, что мы на всяком почти шагу принуждены были останавливаться и промедливать минут по несколько. Не успеем сажен десяти или двадцати отойти, как закричат «стой!», и мы принуждены стоять и печься на жару солнечном, а там опять двинемся шагов пять и опять «стой!», и так далее. Не можно изобразить, как таковой медленный поход во время жаров несносен, а особливо в такое время, когда от фрунта не можно никуда ни на один шаг отлучиться. Истинно власно как за душу кто тянет; и если б не имели мы той отрады, что у всякого из нас была бутылка с водою, смешанною с уксусом, то от жажды не знали б мы что делать. Ни в которое время, во все продолжение похода, не была нам сия вода толико нужна и драгоценна, как в сей день. Она казалась нам лучше и превосходнее всех шампанских и венгерских вин на свете, и мы тысячу раз благодарили сами себя, что догадались запастись оною и настановить полны передние ящики в ротных наших патронных ящиках бутылками. По особливому счастью, не имели мы во весь поход недостаток в укусе. Мы покупали его по рублю штоф, но он так был нам нужен, что мы согласились бы платить за него и по два, и по три рубля, если б того требовала нужда.</i></p> <p><i>Идучи столь медленными стопами и терзаясь ежеминутно досадою, не понимали мы, что б тому была причина, что мы так медленно тащились (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 558—559)</i></p>

Но есть и обратные примеры. События 1755—1757 годов, в частности Гросс-Егерсдорфское сражение, занимают центральное место в рукописи, поэтому она снабжена несколькими рисованными планами с «изъяснениями» (Л. 185 об. — 186 об., 197, 231 об. — 232 об.), которые позднее так и не были перенесены в итоговый вариант, хотя упоминания о них остались (Болотов, 1871—1873, т. 1, стб. 501, 510, 541).

В сопоставлении с указанием самого Болотова на наличие «второй части» раннего варианта своих мемуаров текстологический анализ рукописи из ОПИ ГИМ (Ф. 349. Ед. хр. 2) позволяет, на наш взгляд, сделать твердый вывод о том, что именно данная рукопись и является этой «второй частью» и вместе с тем самым ранним сохранившимся текстом

из всего комплекса мемуарного наследия Болотова. Систематизированный нами материал, который было необходимо ввести в научный оборот, требует дальнейшего, с нашей точки зрения, более глубокого изучения, особенно в общем контексте истории создания Болотовым своих обширных воспоминаний.

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (№ 18-012-00447) «Подготовка научного издания мемуаров А. Т. Болотова 1760 – 1780 гг.»

Список литературы

Болотов А. Т. Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков : в 4 т. СПб., 1871 – 1873.

Болотов А. Т. Приключения Андрея Болотова с 1752 по 1758 год, описанные самим им // ОПИ ГИМ Ф. 349. Ед. хр. 2. 264 лл.

Веселова А. Ю., Милютин М. П. История создания мемуаров А. Т. Болотова // Русская литература. 2020. №3 (в печати).

Об авторе

Александра Анатольевна Абрамова, преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Россия.

E-mail: al-abramova@mail.ru

Для цитирования:

Абрамова А. А. Ранняя редакция мемуаров А. Т. Болотова (из собрания отдела письменных источников Государственного исторического музея) // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, №2. С. 114–122. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-10.

AN EARLY EDITION OF ANDREY BOLOTOV'S MEMOIRES (FROM THE ARCHIVES AND MANUSCRIPTS SECTION OF THE STATE HISTORICAL MUSEUM)

*A. A. Abramova*¹

¹ Higher School of Economics' National Research University
20, Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russia
Submitted on October 15, 2019
doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-10

The history of the creation of Andrei T. Bolotov's memoirs has been little studied. In particular, the stages of his work on this text are not entirely clear. This article is an attempt to shed light on one aspect of this problem. Bolotov's personal fund (No. 349) in the Archives and manuscripts section of the State Historical Museum contain a manuscript of Bolotov's memoirs entitled "Part 2". It differs significantly in its essential characteristics (paper, design, size, composition, title, division into sections, etc.) from most manuscripts of Bolotov's memoirs. The study presents a textual analysis of this manuscript and compares it with the text of memoirs published by Mikhail Semevsky, – the most complete printed edition of The Life and Adventures of Andrei Bolotov. The stages of Bolotov's work on the manuscript

are considered; a comparative analysis of lexical units, stylistic preferences, and the content of the manuscript is carried out. The results obtained suggest that the undated manuscript is the earliest version of the memoirs, supposedly written in the late 1770s.

Keywords: Andrei Bolotov, memoirs, textology, manuscripts of the 18th century.

References

Bolotov, A. T., 1870–1873. *Zhizn' i priklyucheniya Andreya Bolotova, opisannye samim im dlya svoikh potomkov* [The life and adventures of Andrei Bolotov, described by him for his descendants]. Vol. 1–4. St. Petersburg (in Russ.).

Bolotov, A. T., n. d. *Priklyucheniya Andreya Bolotova s 1752 po 1758 god, opisannye samim im* [Adventures of Andrei Bolotov from 1752 to 1758, described by him]. OPI GIM F. 349. №2 (in Russ.).

Veselova, A. Yu. and Milyutin, M. P., (in press) The history of the creation of the memoirs of A. T. Bolotov. *Russkaya literatura* [Russian Literature], 3 (in Russ.).

The author

Aleksandra A. Abramova, Lecturer, Higher School of Economics National Research University, Russia.

E-mail: al-abramova@mail.ru

To cite this article:

Abramova, A. A. 2020, An early edition of Andrey Bolotov's memoirs (from the archives and manuscripts section of the State Historical Museum), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 11, no. 2, p. 114–122. doi: 10.5922/2225-5346-2020-2-10.